

Ставропольский Юлий Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и социальной
психологии
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
dom-hors@mail.ru

Stavropolsky Yuliy Vladimirovich

PhD in Social Science,
Assistant Professor of the General
and Social Psychology Department,
Saratov State University
named after N. G. Chernyshevsky
dom-hors@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

STRUCTURAL DETERMINANTS OF A SOCIAL ACTION

Аннотация:

Статья посвящена анализу социологической концепции Г. Зиммеля. Социология Г. Зиммеля строится диалектически, помещая динамическую взаимосвязь и конфликты между теми социальными единицами, на которые направлен анализ. Акцент Г. Зиммеля на структурных детерминантах социального действия проявляется в осмыслении им одной из самых абстрактных характеристик группы – количества ее участников. Он исследовал формы группового процесса и структурное устройство как производные от количественных отношений.

Ключевые слова:

действие, структура, взаимосвязь, конфликт, социология.

Summary:

This article deals with the sociological conception developed by G. Simmel. G. Simmel's sociology is built in a dialectical way by placing a dynamical interrelation and conflicts among those social units the analysis focuses on. G. Simmel's emphasis on structural determinants of the social action becomes apparent in his conceptualization of one of the most abstract features of the group, that is a number of its participants. He examined forms of the group process and its structural organization as derivatives of quantitative relations.

Keywords:

action, structure, interrelation, conflict, sociology.

Социология Г. Зиммеля строится диалектически, помещая динамическую взаимосвязь и конфликты между теми социальными единицами, на которые направлен анализ. Социализированный индивид, согласно Г. Зиммелю, всегда остается в дуальном отношении с обществом: он включен в общество, и он противостоит обществу, то есть одновременно находится вне общества [1]. Личность существует для общества так же, как она существует для самой себя. Личность не является частично социальной, а частично индивидуальной. Существование личности возможно благодаря фундаментальному единству, которое Г. Зиммель объясняет через синтез или совпадение двух логически противоречивых детерминант: человек и в социальной связи, и в бытии для себя – и продукт общества, и продукт жизни из автономного центра. Личность детерминирована и в то же время сама детерминирует, испытывает на себе воздействие и в то же время самопроизвольно воздействует.

Идея проникающей повсюду диалектики отношений между личностью и обществом позволяет понять социологическую мысль Г. Зиммеля. Инкорпорирование в сеть социальных отношений – неизбежная судьба человека, но это также и препятствие для самоактуализации. Общество способствует и в то же время затрудняет возникновение индивидуальности, личностной автономии и достижение осознанной идентичности. Формы социальной жизни отпечатываются на каждой личности и придают ей уникальную человеческую индивидуальность. В то же время они лишают свободы и сводят на нет человеческую личность, подавляя свободную игру спонтанности. Личность может обрести свободу только через институциональные формы, но свобода личности навсегда оказывается под угрозой этих институциональных форм [2].

Г. Зиммель рассматривал социальные действия индивида не сами по себе, но в связи с действиями других индивидов и в связи с конкретными структурами процессов. При рассмотрении субординации и суперординации он показывает, что доминирование существует не благодаря одностороннему навязыванию воли старшего по званию или должности нижестоящему, но предполагает взаимное действие. Власть скрывает интеракцию, обмен, преобразующий чистую односторонность субординации и суперординации в социологическую форму. Действие одного может быть проанализировано лишь через соотнесение с действиями других, поскольку они все вместе являются частью системы интеракции, которая ограничивает их всех.

Г. Зиммель исследовал способы, которыми различные типы групповой структуры связаны с различными формами субординации и суперординации, например уравниванием и градацией. Если некоторое количество индивидов равно подчинены одному индивиду, то они равны между собой. Такое уравнивание или «негативная демократизация», по терминологии Карла Манхейма [3], предпочитается деспотическими правителями. Деспоты пытаются уравнивать своих подданных, и, напротив, сильно развитое уравнивание легко приводит к деспотизму. С другой стороны, сильные опосредованные градации между подданными правителя способствуют смягчению его влияния и ослабляют его власть над ними. При пирамидальной форме социальной градации каждый уровень – за исключением самого высшего и самого нижнего – зависимость от некоторых людей компенсируется властью над другими.

Акцент Г. Зиммеля на структурных детерминантах социального действия проявляется в осмыслении им одной из самых абстрактных характеристик группы – количества ее участников. Он исследовал формы группового процесса и структурное устройство как производные от количественных отношений [4].

Диадическое отношение качественно отличается от других типов групп тем, что каждый из двух участников взаимодействует лишь с одним, а не с коллективом. Уход любого из них разрушает целостность, следовательно, диада не приобретает той сверхличной жизни, которая во всех других группах создает среди своих членов ощущение ограничения. Однако само отсутствие сверхличностной структуры влечет интенсивное поглощение индивидов диадическими отношениями. Зависимость целого от каждого партнера очевидна в диаде. Во всех других группах долг и обязанности могут быть делегированы, но в диаде каждый участник непосредственно и напрямую отвечает за любой коллективный акт. Поскольку каждый партнер в диаде взаимодействует лишь с одним, который образует с ним единство, ни один из них не может отказываться от ответственности, перекладывая ее на группу, никто не может считать группу ответственной за то, что он сам сделал либо не сумел сделать.

Когда из диады формируется триада, происходит важное количественное изменение. В триаде, как во всех объединениях с участием более двух человек, индивидуальный участник сталкивается с возможностью остаться в меньшинстве. Триада – это простейшая структура, в которой группа как целое способна доминировать над отдельными своими членами. Она создает социальные рамки, допускающие ограничение индивидуального участника коллективными целями. Диада основывается на непосредственной взаимности, но триада способна навязывать свою волю через формирование коалиции между двумя другими. Тем самым триада демонстрирует в самой простой форме ту социологическую драму, которая сопровождает всю социальную жизнь – диалектику свободы и ограничения, автономии и гетерономии. Триада открывает новые способы социального действия, ограничивая в то же время возможности выражения индивидуальности, которые возможны в диадической группе.

В малых группах члены, как правило, имеют возможность взаимодействовать друг с другом непосредственно, но, как только группа превышает относительно фиксированный размер, интеракция обязана быть опосредована формальным устройством. Ни одна большая группа не может функционировать, не упорядочивая интеракции между своими членами – не создавая должностей, не дифференцируя статусных позиций, не делегируя задач и ответственности. По этой причине большие группы становятся обществами неравных – чтобы поддерживать свое существование, они должны быть структурно дифференцированы. Это означает, что более крупная группа обретает свое единство, которое находит выражение в групповых органах и политических идеалах, лишь ценой большой дистанции между своими структурами и отдельной личностью.

Чем меньше группа, тем сильнее вовлеченность ее членов, потому что интеракция между несколькими людьми имеет тенденцию быть более интенсивной, чем между многими, по причине большей частоты контактов. Напротив, чем больше группа (в том числе этнокультурная), тем слабее участие ее членов и высока вероятность того, что они участвуют лишь одним сегментом своих личностей вместо целостной личности. Более крупная группа меньше требует от своих членов и создает «объективные» структуры, которые противостоят индивидам своими надличностными возможностями.

Несмотря на то что через формальную организацию более крупные группы противостоят личности своей дистантной и отчужденной властью, они освобождают личность от пристального контроля и наблюдения именно потому, что создают более удаленную дистанцию среди своих членов. В диаде непосредственность «мы» не омрачена вторжением социальных ограничений, а в триаде два члена могут ограничивать третьего и навязывать ему свою волю. Однако в малых группах коалиции и большинство, которые ограничивают индивидуальное действие, смягчаются непосредственностью участия. В крупной группе дифференцированные органы ограничивают личность через свою «объективную» власть, даже если они допускают свободу от группы благодаря сегментарному, а не тотальному участию.

Рассмотрение Г. Зиммелем различий между малыми и большими группами – между интенсивностью вовлеченности личности в первичной группе и дистанцированием, отчужденностью и сегментацией личностей в более крупных группах – раскрывает общий диалектический подход Г. Зиммеля к отношению между индивидуальной свободой и групповой структурой. Подобно Э. Дюркгейму, Г. Зиммель теоретизирует о типах и свойствах групповых отношений и социальной солидарности как части более общей попытки оценить основные тенденции исторического развития и разработать диагноз своего времени.

Ни в чем так четко не раскрывается амбивалентность Г. Зиммеля в отношении современной культуры и общества, как в его взгляде на развитие современной истории. Этот взгляд состоит из очевидно противоположных оценок либерального прогрессивизма и культурного пессимизма, представленных в работах Г. Спенсера и отразившихся в немецком идеализме со времен Ф. Ницше.

Направление современной истории представляется Г. Зиммелю прогрессивным освобождением личности от оков исключительной привязанности и личностной зависимости, несмотря на возрастающее доминирование над человеком культурных продуктов, созданных им самим. В досовременных обществах, утверждал Г. Зиммель, человек, как правило, жил среди очень ограниченного количества относительно малых социальных кругов. Такие круги, будь то узы родства или гильдия, в городе или в деревне, тесно окружали личность. Вся личность была погружена в жизнь группы. Средневековые организационные формы поглощали целостную личность. Они не только служили объективно

детерминируемым целям, но были скорее формой унификации. Ассоциации в досовременных обществах не были функционально специфичными или ограниченными четко заявленными целями. Они ограничивали личность посредством недифференцированных зависимостей или лояльностей. Более того, субординация в досовременных обществах, как правило, предполагала доминирование над всей личностью нижестоящего, поэтому зависимость была всеохватывающей.

В досовременных обществах индивиды были организованы во множество вязанных концентрических кругов. Индивид не мог непосредственно присоединиться к более широкому социальному кругу, но мог участвовать в нем, благодаря членству в меньшем круге. Примитивное племя состоит не из индивидуальных членов, а из кланов, родов и других групп, в которых индивид участвует непосредственно.

Принцип организации в современном обществе фундаментально другой: индивид – член многих четко определенных кругов, ни один из которых не управляется его личностью. Количество различных кругов, в которые входит личность, – один из показателей культурного развития. Семейная вовлеченность современного человека обособлена от его профессиональной и религиозной деятельности. Это означает, что каждый индивид занимает особое положение в пересечении многих кругов. Чем больше количество возможных комбинаций членства, тем больше каждый индивид тяготеет к уникальной локализации в социальной сфере. При том что он может разделять членство с другими индивидами в одном или более кругов, менее вероятно, что его удастся локализовать точно в том же пересечении, что и кого-либо другого.

Человеческая личность трансформировалась, когда членство в единственном круге или в нескольких из них заменилось социальной позицией на пересечении большого количества подобных кругов. Теперь личность сильно сегментирована благодаря такому множественному участию. В досовременных обществах местность или родство детерминировали религиозную принадлежность. Нельзя было сосуществовать с человеком, который не разделял ваших религиозных убеждений, потому что религиозное сообщество совпадало с территориальным или родственным сообществом. В современном мире, напротив, эти принадлежности разделены. Человеку нет необходимости разделять религиозные убеждения своих соседей, хотя он может быть связан с ними иными узами. Однако отсюда не следует, что религия утратила свою силу – она стала более конкретной. Религиозные дела отделены от других дел и потому стали более индивидуализированы, они не обязательно накладываются на узы родства или соседства.

Многогранное участие в различных кругах обеспечивает развитие самосознания. По мере того, как индивид уходит от господства малого круга, который своими ограничениями замуровывает его личность, он начинает осознавать собственное освобождение. Сегментирование групповой вовлеченности вызывает у личности ощущение своей уникальности и свободы. Взаимное пересечение социальных кругов является предпосылкой для развития индивидуализма. Люди не только становятся более непохожими друг на друга, им также обеспечивается возможность переходить без усилий в иные социальные контексты.

Ссылки:

1. Coser L.A. *Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context*. Fort Worth, 1977. P. 177–193.
2. Simmel G. *The Problems of the Philosophy of History: An Epistemological Essay*. New York, 1977. 220 p.
3. Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. М., 1994. 700 с.
4. Simmel G. *On Individuality and Social Forms: Selected Writings*. Chicago, 1971. 395 p.

References:

1. Coser, LA 1977, *Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context*, Fort Worth, p. 177–193.
2. Simmel, G 1977, *The Problems of the Philosophy of History: An Epistemological Essay*, New York, 220 p.
3. Mannheim, K 1994, *Diagnosis of our time*, Moscow, 700 p.
4. Simmel, G On 1971, *Individuality and Social Forms: Selected Writings*, Chicago, 395 p.